

III.

МѢСТНИЧЕСТВО.

Теоретически это право не было установлено никакимъ закономъ, но было освящено обычаемъ. Въ силу этого права каждый служилый человѣкъ, получая приказъ служить съ кѣмъ-нибудь другимъ, могъ претендовать на мѣсто не ниже того, которое онъ или кто-либо изъ его предковъ занимали по отношенію къ этому товарищу или его предкамъ. Предположимъ, что двоимъ поручено начальствовать надъ частями одного и того же полка. Оба они, дѣти боярскія, но дѣдъ одного, будучи воеводою, имѣлъ подъ своимъ началомъ дѣда другого. И вотъ начинается мѣстничество, т.-е. внукъ воеводы имѣетъ полное право отказаться служить съ даннымъ ему товарищемъ. Если бы князю вздумалось пожаловать его въ конюхи, ничто бы этому не помѣшало, да и онъ самъ не сталъ бы перечить: лишь бы только, подметая навозъ, ему не встрѣтиться въ той же конюшнѣ съ другимъ конюхомъ, отецъ котораго былъ поваренкомъ въ то время, какъ его родитель стряпалъ. Но, въ данномъ случаѣ, ничто не заставило бы его стать воеводою наряду съ сыномъ поваренка.

Представьте себѣ теперь, что эти расчеты первенства идутъ по восходящей линіи во всѣхъ ея степеняхъ и по всѣмъ ея вѣтвямъ; вы легко себѣ вообразите, какіе сложные могли быть случаи и сколько они порождали ссоръ. Политическая жизнь Московскаго государства переполнена ими, и самодержавіе главы этого государства нашло здѣсь единственное серьезное ограниченіе.

Погодинъ искалъ происхожденіе мѣстничества въ отношеніяхъ между удѣльными князьями. Но эта теорія почти не имѣетъ сторонниковъ. Въ-первыхъ, въ извѣстныхъ намъ мѣстническихъ спорахъ, совпадающихъ по времени съ составленіемъ первыхъ родословныхъ книгъ, съ очевидностью выступаетъ болѣе общее родовое начало. Въ своихъ собственныхъ интересахъ московское правительство уважало и поддерживало этотъ принципъ, служившій его династическимъ основаніемъ: стараясь его слить съ противоположной ему системой іерархіи, построенной на службѣ, оно создало *мѣстничество*. Сначала правительство торжествовало. Подобные споры, завися всецѣло и единственно отъ *мѣстъ*, пожалованныхъ государемъ, шли прямо въ разрѣзъ сословному принципу; они исключали всякое понятіе о

чистой аристократіи и укрѣпляли идею *службы*. Впрочемъ, пока они заключались въ кругу частныхъ отношеній и ограничивались пустяками. Бояре спорили изъ-за мѣстъ за столомъ общаго друга; жены двухъ знатныхъ чиновниковъ ссорились изъ за мѣста въ церкви; епископъ—духовенство также было къ этому причастно—отказывался ѣсть съ одного блюда съ менѣе знатнымъ духовнымъ лицомъ. Даже въ средѣ чернаго духовенства соблюдалась подобная іерархія, и монахи ссорились изъ за мѣстъ въ крестныхъ ходахъ. Купцы слѣдовали общему примѣру, и великій драматургъ Островскій отмѣтилъ среди этого класса пережитки укоренившагося обычая.

Но наступилъ моментъ, когда въ день боя два предводителя затѣяли ссору передъ лицомъ непріятеля. Это было въ Орлѣ въ 1514 г.; сраженіе было проиграно. Пришлось принять мѣры. На опредѣленный срокъ, напр., на время похода, запрещались мѣстническіе счеты; виновныхъ въ неправильныхъ притязаніяхъ подвергали строгимъ карамъ. Словомъ, правительство прибѣгало ко всякимъ средствамъ, не осмѣливаясь, однако, занести руку на эту основу государственнаго устройства, хотя неписаннаго, но защищаемаго тѣмъ болѣе упорно. Аристократія тратила на это свои лучшія силы; она употребила на эту борьбу свои послѣдніе заряды и свое послѣднее достоинство, не замѣчая, что пока она занимается этой родовой ариѳметикой, власть ускользаетъ изъ ея рукъ. Долго, дѣйствительно, аристократія пользовалась первыми мѣстами, такъ какъ государство не имѣло возможности занять ихъ своими креатурами, а, когда нашлись другіе кандидаты, мѣстничество уже не могло помѣшать дѣлу демократической нивелировки, которая отлично мирилась съ его сущностью. Пользуясь родовыми спорами, правительство увеличивало количество мѣстъ, раздаваемыхъ государемъ по своему усмотрѣнію, и такимъ образомъ подрывало въ корнѣ соціальное и корпоративное значеніе родового элемента; оно создавало съ помощью этого новаго приѣма другую коллективную организацію, болѣе послушную, болѣе гибкую. Безъ нея Россія XVI—XVIII вв. можетъ быть не выполнила бы своей гигантской задачи; но это не было сословіе; то былъ скорѣе корабельный экипажъ, полкъ или партія арестантовъ.

Несомнѣнно, что, противопоставляя личныя качества родовитости, эта система, въ концѣ-концовъ, выдѣлила въ извѣстномъ смыслѣ другой плодотворный принципъ: принципъ индивидуальныхъ заслугъ. Такимъ образомъ, было бы въ высшей степени несправедливо, подобно

Валуеву и нѣкоторымъ другимъ историкамъ, видѣть въ мѣстничествѣ только примѣръ китайской косности. Сама система не была неподвижна—она измѣнялась съ теченіемъ времени;она развивалась; она испытывала и производила различныя давленія. Правда, своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ абсолютизму мѣстничество могло создать для него серьезныя затрудненія, но оно не сумѣло противопоставить ему никакую соціальную или политическую силу, которая была бы способна, парализуя его вліяніе, заступить его мѣсто, дать ему другое направленіе или его контролировать.

Была другая такая сила, по крайней мѣрѣ въ зародышѣ. Она заключалась въ той общинной организаціи, о которой я упоминалъ.
